

Сун Шучжэнь указала на него и засмеялась:

— Вы, Цзяны, все бессердечные твари! Белые волки! Цзян Чэн, ты думаешь, что всё, что у тебя есть, ты заслужил? Я тебе скажу, если бы не я, твоя бабушка, твой отец сейчас бы бродяжничал по юго-восточному побережью, воруя и мошенничая! Ты мне смеешь указывать?..

— Шучжэнь! — резко крикнул Цзян Чжия.

Его голос был мощным и властным, и даже Цзян Чэн вздрогнул. Сун Шучжэнь сильно задрожала, скривила губы и, держась за полуспущенную причёску, повернулась к нему, издавая глубокий звук из груди:

— О... Хорошо... Ты... Цзян Чжия, я знаю, кто ты такой после всех этих лет! Ты просто использовал меня! Ты женился на мне, чтобы Сун помогли тебе управлять армией! Тебе было дело до меня? До твоего родного сына? Тебе нравятся те дикие женщины с улицы! Их дикие дети...

— Хватит! Какой пример для подражания, говорить такое! — Цзян Чжия нахмурился, явно испытывая отвращение к её словам, и поманил старушку, стоявшую рядом с Цзян Чэном. — Иди сюда! Помоги госпоже умыться!

Две служанки подбежали, но Сун Шучжэнь оттолкнула их, глядя на Цзян Чжия и крича:

— Убирайтесь отсюда! — Теперь ты не хочешь, чтобы я говорила? Ты сам знаешь, что делал! Хорошо, мой род Сун сейчас в упадке, но мы не нуждаемся в твоей милостыне! Чжэн Эр отсутствует день или два, и ты уже спешишь найти кого-то другого, чтобы управлять делами? Я говорю вам, отец и сын, если Чжэн Эр не вернётся, я с вами покончу!

Она резко вытерла лицо платком, злобно посмотрела на Цзян Чэна и зловеще улыбнулась Цзян Чжия:

— Я расскажу всем о твоих прошлых делах, и посмотрим, кто будет опозорен и осуждён!

— Всё, что я делал, было ради вас! — Цзян Чжия посмотрел на двух служанок. — Что стоите? Отведите госпожу в комнату! Никто не должен говорить о сегодняшнем происшествии ни слова!

Сварливость Сун Шучжэнь была легендарной среди знатных дам Цзиньчжоу, и причина заключалась в том, что в её поколении род Сун был малочисленным, и она была единственной дочерью в главной ветви, с четырьмя или пятью старшими братьями, как родными, так и сводными. Она выросла в любви и заботе, и в семье никто не смел ей перечить, всё шло так, как она хотела.

Даже её брак с Цзян Чжия был её собственным решением, и род Сун был вынужден пойти на компромисс.

Если бы не это, Цзян Чжия, даже если бы и смог жениться на ней, вряд ли бы укоренился в Цзиньчжоу.

Однако цена за это была такова, что даже когда Цзян Чжия не считался зятем, а позже, когда он поднялся и полностью освободился от контроля Сун, и даже когда многие предприятия Сун стали зависеть от Цзянов, Сун Шучжэнь всё ещё могла вести себя с ним как угодно, а Цзян Чжия не мог ей перечить.

Бедные друзья не забывают друг друга, а жена, прошедшая через трудности, не покидает дом.

Кроме того, у Цзян Чжия были нестираемые улики, которые навсегда остались в руках Сун.

Цзян Чжия позвал Цзян Чэна к себе.

Цзян Чэн колебался, но встал перед ним.

В тот момент он выглядел плохо, с усталым лицом после вчерашнего запоя и не успевшим исчезнуть гневом. Его лицо, с резкими чертами, было похоже на лицо загнанного зверя. На нём была повседневная одежда, в которой он был за границей, длинные брюки облегли крепкие бёдра, заправленные в сапоги, а широкие плечи подчёркивали его мускулистую фигуру, делая его ещё более внушительным, чем до отъезда.

Цзян Чжия медленно оглядел этого молодого человека с диким взглядом. Он стал отцом в зрелом возрасте, и, несмотря на то, что думала Сун Шучжэнь, оба его сына были для него драгоценны.

— Не слушай её, я не обижу тебя, — наконец сказал Цзян Чжия.

Цзян Чэн последовал его взгляду в коридор и тихо сказал:

— Она права.

Цзян Чжия нахмурился.

— Сегодня вечером я распушу слухи, что ты завтра вернёшься в страну, — Цзян Чжия взял чай, который уже почти остыл, и отхлебнул. — Ты отдохнёшь дома пару дней, я организую для тебя приём в честь окончания твоего обучения за границей. Собери всех старых сторонников Чжэн Эра, найди повод встретиться, и будь осторожен в словах, познакомься с ними заново, понял?

— Да, — ответил Цзян Чэн и повернулся, чтобы уйти.

— О, и ещё, — Цзян Чжия снова остановил его. — Возьми несколько доверенных людей и отправь их на юг, но тихо. Как бы то ни было, это твой старший брат, если бы не он, ты бы до сих пор скитался.

Цзян Чэн искал его всем сердцем. Независимо от того, хотел ли он занять место наследника, исчезновение Цзян Сюя, живого или мёртвого, всегда было бомбой, которая могла взорваться в любой момент.

Но Цзян Сюй словно растворился среди четырёхсот миллионов китайцев, и новости, которые приходили с юга каждые несколько дней, стали вечным кошмаром в его жизни, а Сун Шучжэнь всегда была готова сделать ему неприятно.

Цзян Чэн не имел ни малейшего представления, что делать. За границей он жил своей жизнью, не интересуясь делами в стране, и узнал о пропаже Цзян Сюя только после того, как его привезли в дом Цзянов. Он не распространял эту информацию, и найти следы было невозможно.

Только Цзян Чжия положил перед Цзян Чэном несколько писем и две книги с пометками Цзян Сюя, сказав, что тот был в тесном контакте с профессором Чжоу из университета и, вероятно,

слишком глубоко погрузился в новые идеи, что привело к его предательству семьи и переходу на сторону врага.

Цзян Сюй, в отличие от Цзян Чэна, был настоящим интеллектуалом. Он всегда был таким.

Вежливый, мягкий и спокойный, его можно было легко принять за нового интеллигента, даже не зная о его происхождении. Кроме управления делами, он увлекался искусством. Цзян Чэн знал это с детства, когда он был непоседливым подростком, Цзян Сюй заставлял его читать книги. Но то, что Цзян Сюй мог настолько поддаться новым идеям, Цзян Чэн даже не мог себе представить.

Однако, прочитав письма и заметки, написанные рукой Цзян Сюя, он понял, что это действительно возможно.

Но в целом Цзян Чэн всё ещё сомневался, пока однажды в молодежном клубе не увидел своими глазами того, кого они называли «Вэнь Эр».

Цзян Сюй медленно выдохнул, прислонившись спиной к стене.

Его молчание было красноречивым. Цзян Чэн вдруг почувствовал раздражение и поднял руку:

— Дай мне сигарету.

Цзян Сюй посмотрел на него, открыл ящик стола, нащупал пачку и бросил ему:

— Когда ты уезжаешь? Я знаю, где находится связной в Сюньчжоу, могу сказать тебе.

Цзян Чэн закурил, глубоко затянулся и, держа сигарету в правой руке, опустил её на колено. Он причмокнул, поднял голову и выпустил клубы дыма, глядя сквозь дым на Цзян Сюя, пока он не рассеялся, затем резко повернулся и, сжав сухие губы, спросил:

— Ты решил? Не вернёшься?

Цзян Сюй прислонился затылком к стене, глядя на него.

Цзян Чэн почувствовал, как внутри него разгорается огонь, дым поднимается к небу, и ему становится душно и жарко, горло горит, и он не может говорить.

— Почему? — спросил Цзян Чэн, снова затянувшись.

— Я понял, что этот мир не такой, каким мы его видим, — Цзян Сюй поправил воротник, встал и подошёл к маленькому окну в глубине комнаты, где яркий свет падал внутрь. — Поэтому я выбрал путь, который считаю правильным.

— Правильный, чёрт возьми... — Цзян Чэн потушил сигарету на столе и повернулся с руганью:

— О! Ты, чёрт возьми, просто сказал: «Я думаю, что я прав, я прогрессивен», и всё? Бросил всё и ушёл в революцию? Революцию, чёрт возьми, против кого? Ты бросил все свои дела и думаешь, что ты прав, а я, чёрт возьми, должен за тобой убирать? Черт, почему у вас всё так просто?!

Он раздражённо достал ещё одну сигарету и зажгёт её.

— Я не оставил тебе беспорядка, и тебе не нужно ничего убирать, — холодно сказал Цзян Сюй,

поворачиваясь. — Я знаю, что ты злишься на меня, но я также знаю, что ты хочешь это место, поэтому я уступил его тебе.

<http://bllate.org/book/16144/1445806>